ПУБЛИКАЦИЯ ДОКУМЕНТОВ

Я.В. Леонтьев

ГЕОРГИЙ СОЛОМОН О РАБОТЕ ПЕРВОГО СОВЕТСКОГО КОНСУЛЬСТВА В ГАМБУРГЕ В 1918–1919 гг.

В 2018 г. отмечались столетия таких дат, как подписание Брестского мира, установления дипломатических отношений между Советской Россией и Германией, и Ноябрьской революции в Германии. Однако детали деятельности советской дипломатической миссии в Берлине и особенно в Гамбурге, где было открыто консульство, до сих пор остаются не раскрытыми до конца. Обнаруженная в Российском государственном архиве социально-политической истории докладная записка консула Георгия Соломона затрагивает различные стороны и аспекты, включая закулисные связи и переговоры, деятельности первых советских дипломатов. Заключения контракта с угольным синдикатом для поставки топлива в Петроград, помощь военнопленным соотечественникам, картины Ноябрьской революции и январских событий 1919 г., аресты сотрудников советской миссии — всё это читатель найдет в докладной записке Соломона, ставшего впоследствии эмигрантом-невозвращенцем и сделавшего себе имя за счет книги «Среди красных вождей».

Ключевые слова: Брестский мир, Георгий Соломон, Гамбургское консульство, революция в Германии, Союз Спартака, правительство Шейдемана.

Recently, 2018 marked the centenary of such dates as the signing of the Brest peace, the establishment of diplomatic relations between Soviet Russia and Germany, and the November revolution in Germany. However, the details of the activities of the Soviet diplomatic mission in Berlin and especially in Hamburg, where the Consulate was opened, are still not fully disclosed. Discovered in the Russian state archive of socio-political history (RGASPI), the memo of Consul George Solomon touches on various aspects and aspects, including behind-the-scenes communications and negotiations, of the activities of the first soviet diplomats. The conclusion of a contract with a coal syndicate for the supply of fuel to Petrograd, assistance to fellow prisoners of war, pictures of the November revolution and the January events of 1919, the arrests of employees of the Soviet

Леонтьев Ярослав Викторович — доктор исторических наук, профессор факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова; *e-mail*: leoyar@mail.ru

mission — all this the reader will find in the memo of Solomon, who later became a non-returning emigrant and made his name.

Keywords: Peace of Brest, George Solomon, Hamburg Consulate, revolution in Germany, Spartacus Union, Scheidemann government.

Георгий Соломон, известный в среде социал-демократических авторов начала прошлого века под литературно-партийным псевдонимом Исецкий, в наше время получил известность в связи с двумя переизданиями его мемуарной книги «Среди красных вождей». Первое переиздание осуществило столичное издательство «Современник» в 1995 г., второе — другое московское издательство «Кучково поле» в 2007 г.

Заметный деятель российской социал-демократии, сначала меньшевик, затем одно время большевик, ставший одним из первых советских невозвращенцев Георгий Александрович Соломон (1868–1942), несмотря на такую библейскую фамилию, происходил из православной дворянской семьи, родился в Хотинском уезде Бессарабской области (с 1873 г. — губернии). По окончании курса Ларинской гимназии в Санкт-Петербурге он поступил в Императорскую Военно-медицинскую академию. Однако в 1891 г. за участие в студенческих волнениях Соломона исключили из академии с отдачей под негласный надзор полиции. Спустя несколько месяцев он был восстановлен в академии, но уже в апреле 1892 г. по болезни покинул это учебное заведение, попытавшись продолжить учебу в Санкт-Петербургском университете. Не доучившись, Соломон поступил на службу в государственный контроль на Забайкальской и Московско-Курской железных дорогах.

Членом РСДРП он стал с момента основания марксистской партии. Впервые был арестован в Москве в день традиционных студенческих выступлений 1 марта 1901 г., но через короткое время освобожден. Во время Первой русской революции действовал как революционер в Харькове, где был снова арестован в декабре 1905 г., и в начале 1906 г. отправлен в сибирскую ссылку. В 1907 г. ему удалось добиться заменены ссылки на высылку из России, не редко практиковавшейся тогда меры. В первой своей эмиграции Соломон жил в Бельгии. Затем вернулся в Россию и на несколько лет отошел от революционной деятельности подобно своему другу Леониду Красину[1]. Талантливый инженер и управленец, генераль-

[1] Об их взаимоотношениях см.: *Генис В.Л.* Соломон Г.А.: «Присоединившийся», или История одной дружбы; Публикация глав из рукописи: *Соломон Г.А.* Леонид Борисович Красин. По личным воспоминаниям автора и с опытом характеристики // Вопросы истории. 2009. № 2. С. 3–39; № 3. С. 3–28.

ный представитель знаменитой немецкой фирмы «Сименс и Шуккерт» в России, и одновременно в прошлом весьма радикальный большевик, Красин не спешил вернуться в РСДРП(б) даже после прихода единомышленников к власти. Лишь в 1918 г. Красин, которого Ленин называл «министерской башкой» и всячески желал видеть в рядах партии, восстановил свое членство в ней, и через год после свержения Временного правительства согласился войти в правительство в качестве наркома.

Но была и разница в биографии друзей. Соломон, напротив, принял активное участие в Февральской революции и включился в работу при Исполкоме Петросовета и в «Известиях» Совета рабочих и солдатских депутатов. В мае 1917 г. он уехал «отдохнуть», как он сам выразился, из Петрограда в Стокгольм. В свое отсутствие Соломон по большевистскому списку прошел в гласные Василеостровской районной думы. В отличие от Красина, он определенно поддерживал большевиков-ленинцев, и перед отъездом из Питера специально зашел к В.И. Ленину с предложением «взять на себя какие-либо поручения в Стокгольм»[2]. Вождь большевиков попросил его «как-нибудь, хотя бы и нелегально, перевезти хоть один экземпляр резолюции солдатской конференции». Однако, переговорив с Исполкомом Петросовета, Соломон добился того, чтобы поехать за границу «в качестве курьера от И.К., что дало мне возможность взять в курьерскую вализу много литературы и писем от «Правды»»[3], которые он передал в Стокгольме Карлу Радеку. Из Стокгольма Соломон ненадолго уехал в Норвегию, где пробыл около 2–3 недель, а по возвращении в Швецию узнал встревожившую его новость. Он собирался было ехать из Стокгольма обратно в Россию, но «случайно» повстречался с членом делегации ЦИК И.П. Гольденбергом, прибывшим в столицу Швеции для подготовки международной социалистический конференции. Старый знакомый по партийной работе в РСДРП неожиданно сообщил, «что мне не следует возвращаться в Россию, т.к. правительство Керенского внесло меня в контр-разведочные списки, присоединив к делу т. т. Ленина, Козловского и др.»[4], т.е. к возбужденному против ряда большевиков делу по обвинению в отстаивании интересов Германии и финансировании их партии немцами. Его жена отправилась в Петроград для выяснения ситуации, но привезла неутешительные известия:

---

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 66. Д. 32. Л. 78.

[3] Там же.

[4] Там же.

на основании возникшего в отношении него подозрения, Георгий Соломон был исключен из числа гласных Василеостровской думы. Таким образом, его возвращение из очередной, хотя и недолгой вынужденной эмиграции, в революционный Петроград произошло только в ноябре 1917 г. Затем он и Л.Б Красин были привлечены «красными вождями» к сотрудничеству в НКИД. После подписания Брестского мира Соломон стал первым по времени секретарем советского полпредства в Берлине, возглавляемого А.А. Иоффе, и затем консулом в Гамбурге. Именно об этом периоде его административно-дипломатической деятельности в деталях сообщается в публикуемом документе.

Данный источник был выявлен в Российском государственном архиве социально-политической истории, в фонде 17 (Центральный Комитет компартии), по описи 66 (общий отдел), в деле 32 (заголовок дела: «Переписка с губернскими и уездными комитетами РКП(б), политотделами и комиссариатами воинских частей, чрезвычайными комиссиями, особыми отделами и отдельными лицами о мобилизации, назначении и перемещении на должности коммунистов и ответственных работников, об исключении из партии; докладная записка о деятельности Гамбургского консульства»).

Эти документы, по-видимому, были предоставлены Георгием Соломоном по требованию секретаря Оргбюро Е.Д. Стасовой, в связи с рассмотрением возможности его назначения на пост заместителя наркома в Наркомат торговли и промышленности РСФСР.

Среди материалов Оргбюро ЦК РКП(б) сохранилась служебная записка Л.Б. Красина на бланке «Председателя Чрезвычайной комиссии по снабжению Красной армии» за 7 июля 1919 г. Приведем ее целиком:

«В Ц.К.Р.К.П.

Прошу об откомандировании товарища Г.А. Соломона на ответственную работу в К[омиссариа]т Торговли и Промышленности, причем тов. Соломон будет одновременно работать также и в К[омиссариа]те Путей Сообщения.

Наркомпуть Красин»[5].

Первоначально, согласно протоколу Организационного Бюро ЦК от 9 июля 1919 г. по пункту 33 «О Соломоне» — было вынесено постановление: «Разрешить т. Красину в К[омиссариа]т Торг[овли] и Промышленности»[6]. Однако неделей позже почему-то заново вер-

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 6. Л. 66.

[6] Там же. Л. 53.

нулись к этому вопросу. В повестке заседания Организационного Бюро ЦК от 16 июля 1919 г. в пункте 19 значится вопрос: «О тов. СОЛОМОНЕ». По нему было принято такое решение: «На запрос тов. Красина ответить, что ввиду отсутствия в Москве тов[арищей], знающих тов. СОЛОМОН, вопрос о нем остается временно открытым. Просить т. Красина дать Ц.К. все имеющиеся у него сведения о тов. Соломон для передачи их в Комиссию, которая сможет дать материал для окончательного решения вопроса о тов. Соломон»[7].

В связи с этим представлением, скорее всего, и произошло написание Георгием Соломоном публикуемого документа. В итоге он все-таки получил назначение на пост заместителя наркома. Это был пик его советской карьеры по возвращении из-за границы.

С 1920 г. Соломон служил по ведомству внешней торговли: сначала уполномоченным одноименного Наркомата в независимой Эстонии, затем в 1921–1922 гг. — директором компании «Arcos Ltd»[8], созданной по инициативе того же Л.Б. Красина в Лондоне. В 1923 г. он внезапно отказался вернуться в СССР, подал прошение об отставке и попал в число одного из самых первых советских невозвращенцев. В основном проживал в Брюсселе. В 1930 г. в Париже, в двух томах, вышло первое издание его мемуарной книги «Среди красных вождей. Личные воспоминания о пережитом и виденном на советской службе». В том же году сразу же ставшая политическим бестселлером книга была переведена и опубликована по-французски. При этом до сих пор за Соломоном тянется шлейф в известной степени советского Мюнхаузена. Точнее, этот ярлык коллективного Мюнхаузена был подвешен на группу бывших высокопоставленных деятелей, отказавшихся вернуться в СССР и сделавших себе имя на Западе своими мемуарами: личного секретаря И.В. Сталина Бориса Бажанова, чекиста Георгия Агабекова, дипломата и разведчика Александра Бармина, дипломата Григория Беседовского, разведчика Вальтера Кривицкого, и т.д. Часть этих текстов действительно излишне беллетризована в духе исторических анекдотов, нежели документальных свидетельств. Но, конечно, подход к этим источника с точки зрения историка-архивиста, источниковеда должен быть беспристрастным и преследующим одну цель — вычленить реальные факты, отделив их от политической ангажированности авторов, которая вела к изложению слухов взамен фактов, или преподнесении фактов в заведомо гротескном виде.

---

[7] Там же. Л. 90.

[8] All Russian Cooperative Society Limited.

К числу невозвращенцев принадлежали и люди, в свидетельствах которых не приходится сомневаться — такие как выдающийся шахматист Александр Алехин и замечательный историк и философ Георгий Федотов. Судьба эмигрантов-невозвращенцев складывалась по-разному. В отношении Г.А. Соломона существует свидетельство, принадлежащее Мари Клод Вайян-Кутюрье[9], что он был расстрелян немецкими оккупантами в форте Мон-Валерьен — западном пригороде Парижа в 1942 г.

* * *

Тов. Е.Д. Стасовой
Копия.

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГАМБУРГСКОГО КОНСУЛЬСТВА.

Докладная записка гамбургского
консула Г.А. СОЛОМОНА.

Предварительные замечания

Приступая к составлению настоящей записки, я должен, прежде всего, оговориться, что полного отчета я, к сожалению, в данное время представить не могу: как я говорил при личном докладе, германские власти, арестовавшие меня, бухгалтершу Консульства Е.К. Нейдекер[10], швейцара Консульства Я.Ф. Коновалова и мою жену[11], произвели в нашем отсутствии ряд обысков, как в помещении Консульства в Гамбурге, так и в квартире Е.К. Нейдекер в Берлине, где хранились и мои вещи (в ожидании отъезда), а среди них и разные личные и консульские бумаги. При этих обысках были изъяты, или точнее похищены в квартире Е.К. Нейдекер ее и мои вещи и все бумаги и в помещении Консульства в Гамбурге — вещи и ряд бумаг, документов и книг, а среди них кассовая книга. Не смотря на все мои требования, и требования бывшего юрисконсульства нашего представительства в Берлине, д-ра Оскара Кона, адресованные к германскому М[инистерст]ву И[ностранных] Д[ел], по распоря-

---

[9] Деятельница международного демократического женского движения, генеральный секретарь Международной демократической федерации женщин в 1945–1954 гг.

[10] *Нейдекер Елизавета Карловна* — германская подданная, родившаяся в России и окончившая Екатеринбургскую гимназию (прим. Г. Соломона в книге «Среди красных вождей»).

[11] Г.А. Соломон с 1894 г. был женат на слушательнице училища лекарских помощниц и фельдшериц Марии Николаевне Федоровой, также состоящей в юности под негласным надзором полиции.

жению которого мы были арестованы и производились обыски, ничего из взятых бумаг, документов и книг получить обратно не удалось, так как германское М[инистерст]во И[ностранных] Д[ел] ограничивалось лишь рядом дипломатических ответов: оно-де ничего об этих обысках не знает, никаких распоряжений об обысках не отдавало (хотя при втором обыске, в квартире Е.К. Нейдекер, присутствовал чиновник М[инистерст]ва И[ностранных] Д[ел] по фамилии К е й з е р и толмач, который, как предавали свидетели обыска, читал мои русские бумаги и письма, просматривал книги и пр.). Не могу не отметить, что ответы свои М[инистерст]во И[ностранных] Д[ел], в лице чиновников, с которыми я должен был вести переговоры, давало мне в крайне грубой и резкой форме.

Находясь после тюрьмы на положении интернированного, связанный подпиской не иметь никаких сношений с внешним миром, постоянно выслеживаемый шпионами, я, как оно и понятно, ничего не мог сделать к розыску похищенного имущества и бумаг.

Те же бумаги, документы и книги, которые не были «изъяты» при обысках, не мог взять с собой, так как германское М[инистерст]во И[ностранных] Д[ел] разрешило мне взять с собой лишь весьма ограниченное количество бумаг. Таким образом, весь архив Консульства, за исключением «изъятого», хранится у г-жи Нейдекер, которой я и поручил привести его в порядок и восстановить, по сохранившимся расходным и приходным документам (по-видимому, они все сохранились), кассовую книгу.

Таким образом, настоящую записку я пишу наизусть, не имея под рукой необходимых материалов.

Открытие консульства

7-го октября 1918 года вечером т. В.Р. Менжинский[12] и я после предварительных трехнедельных переговоров, подписали договор о покупке Советским Правительством у Германского Правительства 100.000 тонн каменного угля. Ввиду позднего времени и приближавшегося окончания навигации в Финском заливе надо

[12] Менжинский Вячеслав Рудольфович (1874–1934) — советский государственный и партийный деятель, чекист. Участвовал в революционном движении с 1895 г., член РСДРП с 1902 г. Во время эмиграции, после 1906 г. жил в Бельгии, Швейцарии, Франции, Америке, участвовал в работе заграничных организаций РСДРП. Вернулся в Россию в июле 1917 г., став активным большевиком. После свержения Временного правительства комиссар ВРК в Госбанке, нарком финансов РСФСР (январь — апрель 1918 г.). В 1918–1919 годы генеральный консул в Берлине. С конца 1919 г. занимал руководящие посты в органах ВЧК–ОГПУ, с 1926 г. председатель Объединенного Государственного политического управления.

было очень спешить с нагрузкой[13] угля и отсылкой пароходов. Уголь должен был быть отпущен Вестфальсско-Рейнским Угольным Синдикатом[14], который и поручил вести всю операцию своему Гамбургскому Отделению: в Гамбурге же находится и правление Союза пароходовладельцев, с которым я заключил договор на доставку угля в Петербург. Таким-то образом первое Консульство Советского Правительства, не считая Берлинского, и было открыто в Гамбурге.

9-го октября утром я с наспех приглашенным мною штатом выехал из Берлина в Гамбург, куда и прибыл в 1 час того же 9-го октября и немедленно же в походном порядке открыл в гостинице, где остановился, Консульство.

Штат Консульства

Упомянув о штате, не могу не отметить, что положение мое в этом отношении было весьма нелегкое. Дело в том, что вообще в отношении сотрудников, русских, владеющих немецким языком, дело в Берлине обстоит очень неважно. Кроме того, мои подготовительные, к открытию действий Консульства шаги, были крайне затруднительны теми трениями, которыми сопровождалось мое назначение на пост консула. Благодаря этим трениям, я несколько раз отказывался от своей кандидатуры, [но] тов. В.Р. Менжинский усиленно настаивал на ней, убеждал меня не отказываться. Я был перегружен работой и по своей должности первого секретаря Представительства, с которой было сопряжено ведение дипломатических переговоров с М[инистерст]вом И[ностранных] Д[ел], управление делами посольства и пр. и последние три недели ежедневными, по два раза в день, заседаниями, на которых мы и вырабатывали условия угольной сделки. Все это требовало значительного напряжения сил. Одновременно с этим я должен был вести и подготовительную деятельность по оборудованию и организации гамбургского Консульства. Упомянутые же мною трения с моим начальником, тянувшиеся до последнего момента, как оно и понятно, вносили крайне тяжелого свойства неопределенность в дело и очень тяжело действовали и на мою психику; не лишне упомянуть, что я отнюдь не напрашивался на эту должность и согласился выставить свою кандидатуру лишь по настоянию моих друзей…

---

[13] Так в документе.

[14] Рейнско-Вестфальский угольный синдикат (Rheinisch-Westfälisches Kohlen-Syndikat) возник 1893 г. и к 1900 г. контролировал 95,4 % добычи угля этого бассейна.

Естественно, что эта неопределенность не давала мне необходимой уверенности в подготовительной деятельности: мне трудно было говорить с лицами, желавшими поступить на службу в Гамбургское Консульство, а потому в последний момент, когда под влиянием необходимости немедленно открыть действия Консульства я должен был, уже не считаясь с не закончившимися еще трениями, принять на себя обязанности консула, мне пришлось взять сотрудников, что называется, с бору да с сосенки. И, конечно, при этом условии мой выбор был весьма неудачен: одну служащую-машинистку, которую я за спехом[15] не успел даже проэкзаменовать — мне пришлось отпустить на другой же день после приезда в Гамбург, другого сотрудника — дней через 5–7 и т.д. Не лишне упомянуть, что из Гамбургской русской колонии мне никого не пришлось привлечь к работе, за исключением одной девушки-ученицы, вся полезная работа которой сводилась к разноске писем и т.п. Остальные же из членов местной колонии настойчиво (некоторые вплоть до угроз «довести до сведения Центрального правительства») предлагавшие мне свои услуги, представляли собою совершенно неподходящий элемент: было немало лиц с резко выраженными чертами спекулянтов, желавших использовать положение консульского служащего в своих целях.

Лишь спустя неделю после открытия действий Консульства, при одной из поездок в Берлин (я некоторое время совмещал обязанности консула с обязанностями первого секретаря Посольства) мне удалось пригласить опытного служащего В.О. Каршнера, знавшего хорошо вообще коммерческое дело и угольное в частности, и бухгалтершу, упомянутую выше Е.К. Нейдекер. А затем в пореволюционное время, примерно числа 10-го ноября я пригласил в секретари тов. И.М. Гурвича, русского, жившего в Гамбурге, где он служил в каком-то коммерческом предприятии, члена Гамбургской коммунистической организации, который, к сожалению, числа 20-го ноября заболел воспалением легких в тяжелой форме, а затем в апреле с/г. был выслан гамбургской полицией по месту жительства родителей в Лио.

Денежные затруднения

Необходимо отметить, что, торгуясь со мною по поводу угольной сделки, германское М[инистерст]во И[ностранных] Д[ел] еще до подписания нами договора сделало распоряжение о погрузке угля на пароходы, имея в виду в случае, если сделка с нами не состоит-

[15] Так в документе.

ся, направить уголь в Швецию. Таким образом, к моменту, когда я должен был начать отправку, часть пароходов была уже нагружена и готова к выходу в море. Но, согласно условию с Союзом пароходовладельцев, до оплаты полностью фрахта и страховки, пароходы не должны были выходить в море. Ко времени моего отъезда в Гамбург, два-три парохода были уже совсем готовы к отплытию и ждали только оплаты фрахта и несколько догружались. Между тем денег у меня не было. Л.Б. Красин[16] сообщил мне по прямому проводу, что деньги (золотом) будут высланы без замедления, но что необходимо организовать поезд, охрану и пр., что, конечно, требовало известного времени.

Незадолго до этого Кредитная Канцелярия поручила мне войти в сношение с каким-нибудь солидным немецким банком и условиться о взаимном открытии счетов: немецкому банку в нашем Народном Банке в Москве[17] и Кредитной Канцелярии в Берлине.

---

[16] Красин Леонид Борисович (1870–1926) — советский государственный деятель, дипломат. Участник социал-демократического движения в России с 1890 г., неоднократно арестовывался за революционную деятельность. В 1903–1907 гг. член, в 1907–1912 гг. кандидат в члены ЦК РСДРП, большевик, руководитель боевой технической группы при ЦК (1905–1907). В декабре 1917 г. принял предложение Ленина и Троцкого войти в состав делегации на переговорах с немцами в Брест-Литовске, и вскоре затем восстановил свое членство в большевистской партии. Занимал посты председателя Чрезвычайной комиссии по снабжению Красной армии, члена президиума ВСНХ и члена Совета Обороны. В ноябре 1918 — июне 1920 г. нарком торговли и промышленности. В марте 1919 — декабре 1920 г. нарком путей сообщения. В 1920–1923 гг. нарком внешней торговли РСФСР, и затем СССР; одновременно полпред и торгпред в Великобритании, подписал крайне важный для РСФСР советско-английский торговый договор (март 1921), ознаменовавший собой поворот в развитии дипломатических отношений со странами Запада. После реорганизации наркоматов в 1925 г. занял пост заместителя наркома внешней и внутренней торговли СССР; одновременно был полпредом во Франции (1924) и вновь в Великобритании (1925).

[17] Московский Народный Банк — был создан на основании Устава, утвержденного Министерством финансов Российской империи 3 марта 1911 г. Открылся в Москве 9 мая 1912 г., став основным координатором по ипотечному кредитованию в России, и также находился во главе системы учреждений мелкого кредита. Банк имел 12 отделений, агентств и комиссионерств в различных городах Европейской части России, в Сибири, на Дальнем Востоке и на Кавказе, в том числе в Петрограде. Также были учреждены агентства в Лондоне (1915) и Нью-Йорке (1916). В 1916 г. лондонское агентство преобразовано в полноценный филиал. К этому времени оборот банка вырос до 1,2 млрд руб. На основании декрета ВЦИК от 14 декабря 1917 г. о национализации банков Московский Народный Банк был объявлен государственной собственностью. Постановлением Наркомфина от 2 декабря 1918 г. была проведена его национализация с преобразованием банка в особый кооперативный отдел Народного банка РСФСР.

Я повел переговоры с известным банкиром Ф. Мендельсоном[18] и дело быстро было улажено. И вот, в описываемый момент, не имея средств для оплаты фрахта за погруженный уголь (не лишнее отметить, что пароходовладельцы относились к нам с большим недоверием, а потому просить их об отсрочке или иной льготе я считал неудобным), и, опасаясь задержек с выходом пароходов, я и обратился к тому же Мендельсону с просьбой о кредите в 8.000.000 марок на одну неделю. Он сразу же согласился, и деньги были переведены в мое распоряжение в Гамбург в «Коммерц унд Дисконто Банк»[19].

Мое появление в Гамбурге

Таким образом, я прибыл в Гамбург, предшествуемый сенсационными и заманчивыми для этого мирового торгового города слухами о миллионах, которые я везу с собою. Спавший четыре года войны Гамбург встрепенулся, поднялись надежды на восстановление деловой жизни. Заработала биржа. На свет божий повылезли долго хранившиеся запасы спекулятивных товаров. Словом, в связи с циркулировавшими в это время слухами о близком мире с Антантой, Гамбург начал пробуждаться. Спекулянты стали усердно предлагать свои товары, и цены на них стали катастрофически падать. Для примера укажу, что в начале мне предлагали косы русского образца за 20–25 марок за штуку. Естественно, что я решительным образом отклонял все эти предложения, выжидая более выгодных для нас цен и не сомневаясь, что спекулянты, перегруженные товарами, будут спешить с их реализацией. И действительно, через несколько же дней те же косы мне предлагали уже по 5–6 марок. Местные фирмы и представители иногородних предприятий осаждали меня своими предложениями. Меня интервьюировали гамбургские сенаторы (все они купцы), выпытывая, на каких началах будет вести международный обмен социалистическая Россия. Я рисовал им картину обмена на коммунистических началах, перспектива эта встречала с их стороны полное одобрение. И они с несколько тревожным нетерпением спрашивали меня, скоро ли я начну покупать товары: каждому из них хотелось разделаться со своими спекулятивными запасами.

Само собою, мое положение было выгодно, так как ко всему за мной был как бы некоторый приоритет. Ко мне обращались и представители крупных промышленных предприятий, предлагавшие мобилизовать свои предприятия на ряд лет для изготовления

---

[18] Банкирский дом Мендельсонов существовал в Берлин с 1804 по 1938 г.

[19] Commerz und Disconto Bank в Гамбурге был учрежден в 1870 г.

только для России сельскохозяйственных орудий, машин, инструментов и проч.

Но у меня не было ни директив, ни средств. Поэтому я по прямому проводу просил Л.В. Красина о разрешении использовать момент падения цен и приобрести товары. И дня за два за три до перерыва дипломатических сношений между нами и Германией я получил от него разрешение приобрести (если не ошибаюсь: пишу на память) миллионов на двадцать разных инструментов, но уж реализовать этот заказ не пришлось.

Отправка пароходов

С первого дня моего пребывания в Гамбурге мне пришлось настаивать всеми мерами, чтобы дело нагрузки шло как можно скорее, ибо, как я уже упомянул, близился момент окончания навигации. Но дело шло, на мой взгляд, недостаточно быстро. В оправдание мне объяснили, что к некоторым гаваням (пароходы грузились в нескольких сев[ерных] немецких гаванях и одной голландской) был затруднен подвоз из-за порчи железно-дорожного пути, что трудно достать грузчиков и пр. Но в это же время до меня стали доходить частным образом слухи, которые потом и подтвердились, что германские рабочие были крайне недовольны продажей угля, большой недостаток в котором ощущался и в самой Германии и что поэтому то они отказывались грузить. Затем я узнал, что к нагрузке были привлечены наши русские военно-пленные, которые и закончили ее.

Но со своей стороны и Союз пароходовладельцев наседал на меня с тревожными запросами, обеспечено ли у нас, в Петербурге, дело разгрузки, приняты ли подготовительные меры, имеются ли в достаточном количестве все необходимые приспособления, корзины, лопаты, в порядке ли краны, баржи и проч. и проч., не произойдет ли задержек пароходов… Я и сам тревожился всеми этими вопросами, но успокаивал Союз заявлениями, что все меры приняты и продолжают приниматься. И одновременно я запрашивал по прямому проводу Л.В. Красина, его ответы передавал пароходчикам. Но те не успокаивались, указывали на печальный опыт с разгрузкой парохода «Анна Стинес»[20], на излишние задержки этого парохода, требовали от меня гарантий, что в случае, если пароходы задержатся с обратными рейсами до льдов, их выведут наши ледоколы.

---

[20] В РГАЭ, в фонде 413 (Министерство внешней торговли СССР), в составе описи 2 (дела постоянного хранения НКВТ СССР за 1917–1926 гг.), хранится дело 81: «Переписка с Петроградским отделением Наркомторгпрома и учреждениями в Петрограде о доставке и погрузке компенсационных грузов на германский пароход «Эдмунд Гуго Стинес» (крайние даты дела: сентябрь — декабрь 1918 г.).

Наконец, я получил известие, что первый, а затем и второй и третий пароходы благополучно прибыли в Петербург. Но одновременно представитель Стинес[21] в Петербурге телеграфировал германскому М[инистерст]ву И[ностранных] Д[ел], что петербургские рабочие отказываются загружать уголь, что они требуют, чтобы на время работ их довольствовали из пароходных кухонь, что нет никаких приспособлений, нет кранов, нет барж, нет лопат, что разгрузка производится только экипажами прибывших пароходов, что дело идет крайне медленно… Я снова успокаивал пароходчиков, снова запрашивал т. Красина, словом, выворачивался, опасаясь, что, если сообщаемое правда, то остальные пароходы откажутся выйти в плавание. Надо отметить, что многое из этих сообщений представителя Стинес впоследствии оказалось просто выдумкой.

В конце концов, нагрузка шла, пароходы один за другим выходили в море и к 1–2 ноября весь закупленный уголь был в пути.

Чисто консульские дела

Наряду с этой деятельностью мне пришлось развивать и чисто консульскую работу: выдавать разного рода удостоверения, — свидетельствовать доверенности, удостоверять подписи, выдавать паспорта, ежедневно принимать массу просителей по всякого рода вопросам (брачным, бракоразводным, усыновлениям и проч.). Аппарат мой был плохо налажен, штат был малочислен и неприспособлен, и среди нервной и кипучей деятельности с отправкой угля, что в описываемый момент я ставил во главу угла, все эти мелкие, но в то же время такие жизненные дела отнимали много времени и труда. К этому стали прибавляться и дела о военнопленных.

Помещение Консульства

Прибыв в Гамбург 9-го октября, я немедленно открыл действия Консульства в гостинице. И тотчас же я стал выяснять вопрос о собственном доме, купленном Консульством царского правительства. Мне был рекомендован адвокат, который вскоре и сообщил

---

[21] Стиннес Гуго (нем. Hugo Stinnes; 1870–1924) — немецкий предприниматель и политик, основатель горнодобывающей и металлургической бизнес-группы Hugo Stinnes GmbH. Один из крупнейших промышленников Европы первой четверти XX в. Был известен в качестве рейдера. Практиковал социальное партнерство, способствовал формированию социального законодательства Германии. Активный националист, сторонник германской экспансии в Европе. В Веймарской республике депутат рейхстага от Немецкой народной партии. Финансист фрайкоров и Антибольшевистской лиги, спонсор НСДАП. Обладал репутацией «хозяина Рура» и «нового императора Германии».

мне, что дом этот, хотя фактически был приобретен Консульством, но юридически был куплен на частное имя Секретаря царского Консульства, фамилию которого я забыл (я извиняюсь, после перенесенной в Гамбурге болезни и прочих злоключений мне стала изменять память на имена). При этом адвокат выяснил, что этот юридический владелец дома успел наделать долгов, обеспечением которых и служил этот дом. Размер этих долгов точно не был установлен: но уж одни те долги, которые были выяснены, оказались настолько значительными, что если бы путем процесса можно было получить дом, а следовательно принять и все лежащие на нем долги, то долгов пришлось бы уплатить значительно больше, чем стоит самый дом; к тому же, как я сказал, не все долги были выяснены. Я оставил вопрос о доме открытым, предполагая заняться им, когда немного разгружусь от угольного дела.

Но помещаться в гостинице Консульству было очень неудобно. Как-то при беседе с директором Гамбургского Отделения Вестф[альско]-Рейнского Синдиката я упомянул об этих неудобствах. Он тотчас же вызвался помочь и через день-два мне было предоставлено три больших с полной конторской обстановкой комнаты, даже с курьером при них в одной из грандиозных пароходных контор (американская линия) за 100 марок в месяц. Но и это помещение годилось только как временное, так как по многим причинам оно было тоже мало удобно: во-первых, Консульство терялось в громадном доме-конторе, затем дом запирался в 5 час. вечера и уж нельзя было в него попасть и пр.

Поэтому я одновременно стал искать постоянное помещение, и после долгих мытарств мне удалось его найти в центральной части города (Колоннаден 5). Квартира эта состояла из девяти светлых и одной темной комнаты и стоила с отоплением 7.000 марок в год. Я снял эту квартиру с 1-го ноября 1918 г. на три года с правом продолжить контракт еще на три года. Самое консульство заняло пять лицевых комнат; затем я с женой занял две светлых и одну темную комнату и одна светлая комната была предоставлена мною бухгалтерше Е.К. Нейдекер, которая, помимо бухгалтерии, заведовала паспортным столом и вела хозяйственную часть консульства, исполняя также и секретарские обязанности: мне и ей, как оно и понятно, работать приходилось сверх всяких норм.

Архив и инвентарь Консульства

Немедленно же по прибытии в Гамбург я принял ряд шагов к получению обстановки и архива консульства эпохи царизма,

находившихся на хранении у Испанского Консульства. По моему требованию Гамбургский Сенат снесся с имперским М[инистерст]вом И[ностранных] Д[ел] и Испанским Посольством в Берлине, и через несколько дней мне было сообщено Сенатом, что я могу получить все это имущество. Но Испанское Консульство в Гамбурге, по совершенно невыясненным причинам, заняло какую-то странную позицию в этом деле, делая одну за другой ряд оттяжек в выдаче имущества. Как известно, Испания не признала Советской Власти, а потому все мои сношения с Испанским Консульством шли через Сенат, что являлось значительным тормозом. Сенат сообщал мне, что все дело окончено и что завтра-послезавтра можно будет получить имущество, затем сообщалось, что не выполнены какие-то формальности… Наконец, если не ошибаюсь, числа 23-го октября я вместе с д-ром Мерком (заведующим иностранными делами в Сенате) отправились за город, к экспедитору, у которого хранилось все время войны это имущество, для приемки его. Здесь произошла довольно комическая сцена передачи. Ввиду непризнания Советского Правительства Испанией представитель Испанского Консульства (консул за несколько дней перед тем умер) передал акт и список имущества д-ру Мерку, а тот, приняв, тут же передал мне. Я же немедленно распорядился, чтобы имущество было через день доставлено в новое помещение Консульства (Колоннаден, 5). Но в назначенный для перевозки день и час мы тщетно ждали несколько часов. Наконец мы запросили по телефону экспедитора, который сообщил, что в момент, когда фуры готовы были выехать со двора, прибыла какая-то девица из Испанского Консульства, с приказом не вывозить вещей впредь до особого распоряжения. Началась снова волокита. Я стал (само собою через д-ра Мерка), сноситься с Испанским Консульством. Снова пошли разговоры о каких-то невыполненных формальностях, снова обещания, что «завтра» мы получим имущество… И так тянулось несколько дней, в течение которых меня кормили этим «завтра». Мне, наконец, это надоело, и я поставил на вид Мерку, что считаю такое отношение совершенно недопустимым, больше настаивать не буду и немедленно же приму все необходимые меры. Мерк ответил мне, что он в свою очередь считает такое отношение издевательством над Гамбургским Сенатом и что он лично отдаст распоряжение о том, чтобы завтра экспедитор доставил вещи ко мне и для наблюдения пришлет особого чиновника. Так оно и было, и, наконец, 2-го ноября вещи и архив были привезены в помещение Консульства. Но затем аналогичная история произошла с ключами от письменных столов

и шкапов: опять пришлось вытребовывать их через Сенат, причем большинства ключей получить не удалось, а в том числе и ключей от несгораемого шкапа (шкап этот так и остался невскрытым и в таком виде, уже по ликвидации нашего Консульства, снова попал к экспедитору).

Перерыв дипломатических сношений

В конце октября, как известно, началась усиленная травля нашего посольства буржуазной печатью, и 5-го ноября последовало возмутительное изгнание его из Берлина. Того же 5-го ноября около 11-ти часов утра я получил от тов. В.Р. Менжинского телеграмму, отправленную им накануне. Цитирую эту телеграмму наизусть: «Завтра вечером посольство и генеральное консульство выезжают в Россию. Вам дана отсрочка в восемь дней для устройства дел. Желательно, чтобы вы выехали вместе с нами».

Выехать в тот же день я, конечно, не мог: ближайший поезд отходил в 4 ч. 5 м. пополудни и приходил в Берлин (транспорт был уже сильно расстроен) с большим опозданием, часов в 10–11 вечера, а из Берлина в Россию поезд отходил в 9 ч. вечера. Кроме того, связанный отчетностью по только что закончившемуся угольному делу, я должен был привести все в порядок, равно как и другие дела. А потому, имея в виду отсрочку в 8 дней, я решил выехать по приведении в порядок всех дел, устройства архива и имущества, ликвидации квартирного вопроса и пр. Из вечерних газет того же дня я узнал, что наше посольство отбыло из Берлина накануне вечером.

Немедленно по получении этой телеграммы я отправился в Сенат к д-ру Мерку, который сказал мне, что им не получено никаких распоряжений из Берлина, но что, наверное, «сегодня» с ним будут говорить из Берлина по телефону и он на другой день сообщит мне о результатах переговоров.

В Консульство стали приходить разные лица, как русские, так и иностранцы с тревожными запросами, некоторые (из немцев) с заявлением мне своего сочувствия и возмущения.

Роспуск штата

Как оно и понятно, мой штат был очень встревожен этим известием. Я постарался всех успокоить, предложив своим сотрудникам спокойно заняться делом приведения всего в порядок и объявил им, что ввиду ликвидации консульства все они получат, независимо от продолжительности службы двухмесячного оклада и тут же распо-

рядился выписать на каждого из них чек на Коммерц унд Дисконто Банк. Одному из служащих, русскому, человеку семейному, только за два три дня прибывшему на службу из Берлина, где он оставил жену, ожидавшую со дня на день ребенка, я, в виду начинавшегося уже в Гамбурге революционного движения и заминок с движением поездов, предложил немедленно отправиться к семье, и он, получив двухмесячный оклад, в тот же день уехал (это был последний поезд, правильно отошедший из Гамбурга, дотащившийся до Берлина лишь через 18 часов; затем несколько дней поезда ходили совсем не регулярно).

Революция в Гамбурге

Еще 4-го ноября по Гамбургу стали ходить слухи о готовящихся на завтра выступлениях рабочих и солдат. За несколько дней перед тем, как известно, произошло первое восстание в Германии в Киле[22], где были свергнуты имперские власти и установлена власть Советов. 5-го ноября с утра в Гамбурге было уже неспокойно, а к вечеру начались сильные волнения, были организованы Советы рабочих и солдат (каждый в отдельности) и на следующий день, 6-го ноября в Гамбурге и Альтоне восстание было в полном разгаре: происходили многолюдные демонстрации, на улицах шло обезоружение солдат и офицеров, не приставших к движению, с них снимали погоны и кокарды. В некоторых частях города, как, например, у главного вокзала, казарм, шли боевые схватки с немногими сторонниками старого режима. Сенат был окружен поднявшими знамя восстания войсками и рабочими. Полиция попряталась, и ее место заняли вооруженные рабочие. Словом, налицо была хорошо знакомая нам, революционерам, картина. В тот же день уже официально было объявлено о переходе власти в городе в руки восставшего народа в лице Советов Солдат и Рабочих. Но на улицах кое-где происходили такие схватки. Ко мне и в этот, и в следующие дни приходили с улицы представители восставших солдат и рабочих с удостоверениями от Советов и обращались с просьбами о денежной помощи (на пропитание). Банки были закрыты, у меня же налицо была весьма ничтожная сумма до 15.000 марок. Поэтому я большинству вынужден был отказывать и лишь немногим давал небольшие суммы, выдав, таким образом, всего 13.700 марок. Необходимо отметить,

[22] Восстание матросов германского флота в Киле в ноябре 1918 г., разросшееся от бунта на отдельных судах императорского флота Германии, находившегося на якорной стоянке возле Вильгельмсхафена, до Ноябрьской революции и падения монархии в Германии.

что многие из приходивших ко мне, таким образом, производили впечатление людей, желавших использовать момент в своих целях и потому игравших на социализм. Некоторые из них прибегали даже к угрозам и одна такая «депутация», состоявшая из трех лиц, пришедших под вечер в Консульство, на мой отказ угрожала мне агрессивными действиями, случайно я был совсем один в квартире, револьвер был в спальне (разговор происходил в моем кабинете), у них же были и револьверы и винтовки. Пришлось уступить, и я, уверив их, что у меня денег вообще нет, что деньги я держу в банке, налицо же только то, что имеется в бумажнике, отдал им лежавшие там 800 марок с какой-то мелочью. Но они не удовольствовались и один из них заявил «а вот мы сейчас посмотрим, есть ли у г-на консула деньги при себе…» В это время послышался шум и голоса на лестнице, кто-то поднимался. Это были моя жена и фрейлен Нейдекер, а за ними поднимался еще кто-то из жильцов дома. Услышав звук отпираемой пришедшими входной двери и разговоры, гулко раздававшиеся на лестнице, лица эти поторопились уйти. В тот же день, 6-го ноября, я увидался с д-ром Мерком, который сообщил мне, что министерство И[ностранных] Д[ел] требует, чтобы я как можно скорее уехал, что, дескать, никакого срока в восемь дней м[инистерст]во мне не давало, что я должен увести с собою весь штат Консульства.

Надо отметить, что чрезмерная работа, которую я вел все время, крайне меня переутомила и изнурила, почему у меня еще недели за полторы до описываемого момента обострились некоторые мои хронические болезни. В последние же дни мне стало гораздо хуже: следующие один за другим сердечные припадки и кровоизлияния из почки и др. мои болезни заставили меня все время лежать в кабинете и продолжать работу лежа, почему и к Мерку я едва доплелся в сопровождении фрейлен Нейдекер. Поэтому то, а также из-за приведения в порядок дел я никак не мог последовать этому распоряжению, и Мерк очень любезно просил меня не беспокоиться и, когда я поправлюсь, сообщить ему, чтобы он мог распорядиться о предоставлении мне и штату необходимых удобств в дороге.

Характерно то, что, как я выше упомянул, в этот день революция была в полном разгаре, Сенат был окружен кольцом революционного войска (я с фрейлен Нейдекер был пропущен в Сенат только как Консул Советской России), на улицах были развешены прокламации, что вся власть перешла в руки советов, беседа моя с Мерком происходила под доносившиеся заглушенные несколько расстоянием и закрытыми окнами звуки перестрелки, в Сенате ца-

рила полная растерянность, и в это время представитель его говорит со мной так, точно ничего не изменилось.

Между тем до меня стали доходить слухи, что гамбургский пролетариат враждебно настроен в отношении меня за вывезенный из Германии уголь. Некоторые из окружавших меня лиц указывали на необходимость моего хотя бы временного отъезда из Гамбурга.

Революция же, развиваясь не по дням, а по часам, быстро охватила всю страну. Газеты, выходившие экстренными прибавлениями чуть не каждый час, помещали одно за другим известия об уничтожении одной за другой немецких монархий. Всюду восставший народ принимал резолюции полные самого восторженного отношения к Советской России, «показавшей дорогу», выражались братские приветы российскому пролетариату и его правительству, указывалось на необходимость немедленного возвращения нашего представительства в Берлин… В газетах сообщалось, что тов. Иоффе[23] уже возвращается, а некоторые газеты, забегая вперед, уже трубили, что тов. Иоффе уже возвратился. Меня приходили поздравлять. Ко мне являлись неведомые мне, но снабженные советскими удостоверениями лица, которые в энергичных выражениях заявляли мне, что я не должен обращать внимание на изгонявший меня Сенат, который де не имеет уже никакой власти, что я должен продолжать свое дело… И в это же время из Сената не менее двух раз в день справлялись: «как здоровье г-на консула». 8-го ноября я лежал в постели мучимый сильнейшим припадком болезни почек и по совету врача обложенный бутылками с горячей водой, когда особый посланец от Сената доставил мне лично, проникнув в спальню, письмо за подписью сенатора Штаммера, в котором мне в любезных выражениях сообщалось, что дипломатические отношения между Германией и Россией прерваны, почему я должен покинуть пределы Германии и настойчиво предлагалось назначить день отъезда. Подчеркиваю то обстоятельство, что это было 8-го ноября, когда хозяином положения в Гамбурге и Альтоне, да, в сущности, и во

---

[23] Иоффе Адольф Абрамович (1883–1927) — участник социал-демократического движения в России с конца 1890-х гг., видный советский дипломат. До 1917 г. меньшевик, на VI съезде РСДРП(б) вместе с межрайонцами был принят в партию большевиков и избран в ЦК. В октябрьские дни 1917 г. член Петроградского Военно-революционного комитета. Во время Брестских переговоров входил в состав советской мирной делегации. С апреля по ноябрь 1918 г. полпред РСФСР в Берлине. В последующие годы также на дипломатической работе (в 1922 г. входил в состав советской делегации на Генуэзской конференции, затем полпред в Китае 1922–1924), председатель делегации на переговорах с Японией; полпред в Австрии (1924–1925). В 1925–1927 гг. примыкал к троцкистской оппозиции.

всей Германии были Советы, а между тем гамбургский Сенат не был лишен своей власти и продолжал существовать. Впрочем, ниже я говорю об этом обстоятельстве подробнее.

Решение ехать в Данию

Вся эта неразбериха, весь этот ряд противоречащих одно другому положений, в связи с моей болезнью, привели меня к решению уехать куда-нибудь поблизости и там выждать событий. Сообщение между Гамбургом и Берлином было прервано, или, вернее, почти прервано, так как на этом перегоне оперировали какие-то отряды оставшихся еще верными империи солдат, почему там и происходили боевые схватки. Поэтому я решил уехать в Данию, под покровительство нашего представителя тов. Сурица[24], дождаться там восстановления дипломатических отношений с Россией, благо от Гамбурга до границы недалеко. Я заготовил на всякий случай для себя и жены консульские (мною же, как консулом и подписанные и скрепленные печатью) паспорта на имя Георгия Александровича и Марии Павловны Смирновых. Один из служащих Консульства вступил в переговоры с Советом Солдат, или, вернее сказать, с одним из членов его бюро, который и явился ко мне для переговоров. Было условлено, что, ввиду небезопасности путешествия по железной дороге, меня и жену доставят на автомобиле в Киль, а Кильский Совет Солдат, по предложению гамбургского Совета, доставит нас на военном судне к берегам Дании. Но, спустя некоторое время, мне сообщили, что в Киль ехать нельзя: дорога перегорожена контрреволюционными отрядами, что поэтому меня доставят в Любек на автомобиле, что нас будет сопровождать опытное в контрабандных делах лицо, которое из Любека и перевезет нас на рыбачьем судне в Данию.

Но я не буду удлинять моего доклада описаниями всех перипетий этой попытки к побегу. Скажу кратко, что был вечер (9-го или 10-го ноября). Мне все было хуже. Но надо было ехать. По указанию находившегося со мною в сношениях члена Совета Солдат по имени Генеке, мы должны были быть к 8-ми часам вечера готовы пуститься в путь. Все было готово у нас, и мы ждали только прибытия автомобиля. Он прибыл с опозданием на два часа. Вошел

---

[24] Сориц Яков Захарович (1882–1952) — участник социал-демократического движения в России (член Бунда с 1902 г., РСДРП с 1903 г., большевик с 1917 г.), советский дипломат. Работал в НКИД с 1918 г., являясь заместителем дипломатического представителя РСФСР в Дании; затем полпред РСФСР в Афганистане, полпред СССР в Турции (1923–1934), в Германии (1934–1937) и Франции (1937–1940). Полномочный представитель СССР во Франции. Чрезвычайный и Полномочный Посол (1943).

Генеке в сопровождении молодого человека в военной униформе с винтовкой. Готовы ли мы. Конечно, готовы. Надо спешить… Вот этот человек доведет вас до самой Дании… Только надо еще съездить в гараж взять побольше бензину. Через несколько минут он, Генеке, возвратится. Провожатый может остаться…

Все это оказалось самой настоящей мистификацией с большим оттенком шантажа: мы прождали всю ночь с этим провожатым. Автомобиль так и не прибыл… Впоследствии оказалось, что Генеке выманил у меня на наем автомобиля шестьсот марок, кроме того при отъезде я должен был дать три тысячи марок на усиление средств Совета солдат под формальную (я настоял на этом) расписку Совета еще три тысячи марок и «тринкгельд»[25] самому Генеке… Но этих трех тысяч ему так и не пришлось получить.

Я вхожу в непосредственные сношения с Советом солдат

Я, наконец, решил лично отправиться в помещение Совета солдат, находившееся в Альтоне, что и исполнил числа 11–12 ноября. Здесь я беседовал с д-ром Стефаном, заместителем председателя Совета. Он сразу же обратился ко мне с официальным заявлением, предложением остаться в Гамбурге, мотивируя свою просьбу тем, что Гамбургская Республика, в лице Советов не только не желает рвать с Россией, но, напротив, приложит все меры к расширению и углублению сношений. При этом он особенно настаивал на продолжении товарообмена и тут же познакомил меня с местным коммерческим деятелем г-ном Госслар, который состоял при Совете солдат (работая, по словам Стефана, под контролем Совета) в качестве консультанта по коммерческим делам и который тут же повел со мной беседу по вопросам установления правильного товарообмена (имея, впрочем, в виду главным образом свои собственные товары). Затем он посетил меня через несколько дней с предложением разного рода товаров, обещая мне устроить возможность постоянных радио-сношений с Москвою. Но, замечу уж, кстати, из этого так ничего и не вышло, ибо в скором времени восторжествовала вполне определенно реакция, заморозившая, по-видимому, надолго все наши начинания.

Стефан тут же выдал мне удостоверение, в котором было сказано, что я с семьей и штатом имею право оставаться в Гамбурге для продолжения работы.

---

[25] Trinkgeld — чаевые.

Сенат и Советы солдат и рабочих в Гамбурге

При разговоре со Стефаном речь коснулась, между прочим, вопроса о противоестественном симбиозе Сената с Советами. Я выразил удивление по поводу этого странного сожительства двух друг друга отрицающих установлений, имеющих диаметрально противоположную диалектику и сущность. Стефан ответил мне, что они оставляют за Сенатом только технику дела, так как они-де не имеют в этом отношении никакого опыта, но что Сенат с момента объявления власти Советов не имеет уже никаких самостоятельных функций, никакой самостоятельной власти. Тогда я обратил его внимание на письмо ко мне сенатора Штаммера, датированное 8 ноября, т.е. моментом, когда уже за 2–3 дня была провозглашена власть Советов. Он несколько смутился, но тут же он, путаясь, стал доказывать мне, что, вообще говоря, Сенат работает под их строгим контролем, но и тут же перевел разговор с этой, очевидно, скользкой почвы на просьбу, чтобы я, как более искушенный в революционном и политическом опыте не отказал помочь им моими указаниями и советами в вопросе разграничения сфер деятельности между Сенатом и Советами и в регламентации их взаимоотношений. Я ответил, что положение в данном случае совершенно ясное, что с момента перехода власти в лице Советов к народу, Сенат тем самым перестает существовать, что и должно быть зафиксировано соответствующим законодательным актом. Но он возразил мне, что такая постановка вопроса окажется-де неприемлемой для большинства членов Совета солдат, которые, сомневаясь в своих технических навыках, считают, что Сенат должен оставаться, но только исполнительным, узко исполнительным аппаратом, и просил меня помочь им регламентировать их взаимоотношения именно под таким углом. По тактическим соображениям я не отказался, и в тот же день к вечеру послал ему проект такой регламентации, которая сводила роль Сената на степень простой канцелярии, не имеющей возможности предпринять самостоятельно какие бы то ни было шаги. Надо заметить, что дня через два после моего посещения Совета солдат было официально объявлено об упразднении Сената, а еще через несколько дней, примерно через неделю, под давлением назревшей реакции и укрепления власти шейдемановцев[26]. Сенат снова был восстановлен во всех своих правах.

---

[26] Под шейдемановцами имеются в виду сторонника Филипп Шейдемана (1865–1939), германского государственного и политического деятеля, лидера правого крыла немецкой социал-демократии. Во время Первой мировой войны

Пореволюционная деятельность Консульства

Таким образом, деятельность Консульства восстановилась. К этому времени Советы солдат и рабочих совместно издали обращение к военнопленным всех национальностей примерно следующего содержания (цитирую, как и все, наизусть): «Братья, отныне вы свободны! Вы пользуетесь всеми теми же правами, что и германские граждане. Совет Солдат и Рабочих немедленно же принимает все необходимые меры к скорейшему отправлению вас на родину. Имейте немного терпения: мы делаем все необходимое к тому, чтобы отправка состоялась как можно скорее. Не собирайтесь на улицах, не производите никаких беспорядков…»

Обращение это было официально прислано мне Советом для перевода на русский язык и затем было отпечатано на немецком, французском, английском, русском языках в виде большого плаката, который и был всюду расклеен. Упомяну, что под русским текстом было приведено указание, что Консул Р.С.Ф.С. Республики помещается на Колоннаден, 5 и принимает по таким-то часам.

Вслед за тем Совет Р[абочих] и С[олдат] стал выдавать военнопленным особые разрешения на беспрепятственный и бесплатный проезд до границы и русских направляли ко мне для визы этих ярлыков. Все это было плохо координировано. Пленные, как оно и понятно, устремились уехать. Поезда переполнялись, происходили несчастия, немало из добравшихся до границы, как мне передавали, благодаря отсутствию средств сообщения, погибли, замерзнув на пешеходном пути.

Нечего и говорить, что Консульство стало ежедневно переполняться массами русских военнопленных, обращавшихся ко мне и моему немногочисленному персоналу с самыми разнообразными запросами и требованиями. Мы сбивались с ног, работая в переполненных и сразу загрязненных, не рассчитанных на такой наплыв помещениях консульства. А удовлетворить требования этих

Шейдеман занимал шовинистические, оборонческие позиции. В октябре–ноябре 1918 г. являлся статс-секретарем (министром) в правительстве принца Макса Баденского. Во время Ноябрьской революции провозгласил свержение монархии Гогенцоллернов и установление республиканского строя. В ноябре 1918 — феврале 1919 г. вместе с другим лидером СДПГ, Фридрихом Эбертом, был председателем правительства Германии — Совета Народных Уполномоченных. Будучи противником дальнейшего развития революции в Германии, Шейдеман проводил политику ликвидации Советов рабочих и солдатских депутатов и разгрома левых радикалов. В феврале — июне 1919 г. являлся рейхсканцлером первого правительства Веймарской республики.

измученных людей было настоятельно необходимо и особенно ввиду того, что из среды самих военнопленных, пользуясь благоприятными условиями, выделялись люди ловкие и беззастенчивые, которые, устраивая собрания военнопленных, получали от них звания «уполномоченных», собирали деньги «на расходы», давали кучи обещаний, нелепых указаний…

Поэтому я, с разрешения Совета Рабочих (за подписью его председателя, известного д-ра Лауфенберга), организовал из русской колонии общество помощи русским военнопленным, которое, однако, состоя из обывательских россиян, не оправдало моих надежд. По моему плану, намеченному на учредительном собрании общества, оно в лице своих дежурных членов должно было помогать работе моего персонала в регистрации, выдаче справок, пояснений об условиях проезда, организации питательного пункта и пр. пр. пр. Между тем публика эта, приняв выработанный мною устав, взглянула на дело под углом обычного буржуазного отношения, как на приятную игру и благотворительность: на дежурства они не приходили, толковали об устройстве благотворительных спектаклей и пр.

Само собою, что обычные консульские дела отошли на задний план: все заполняли пленные. Нелишнее отметить, что французские, бельгийские, сербские, английские, американские пленные, к услугам которых не было никаких своих представителей, решили, что я должен и им оказывать содействие и в свою очередь, и притом не в малом количестве, обращались ко мне. Конечно, отказа они у меня не встречали и уходили более или менее удовлетворенные. Вообще говоря, в отношении наших военнопленных я употреблял все усилия к тому, чтобы успокаивать их, удерживать от почти панического стремления во что бы то ни стало сейчас же уехать, тогда как, по доходившим до меня сведениям, несмотря на выдаваемые Советом разрешения, ничего не было организовано и царил в этом отношении полный беспорядок, который, как я уже упомянул, повел ко многим несчастиям. Но это мало действовало.

Восстановление деятельности Консульства, естественно, придало надежды местным торговым сферам, и меня снова стали осаждать разные негоцианты со своими предложениями.

Чтобы покончить с вопросом о военнопленных, замечу, что через несколько дней после издания приведенное выше братское обращение к военнопленным было неожиданно отменено, и конвой стал рвать разрешения Советов солдат и рабочих с моей визой, пленных, которые после издания обращения были переведены в казармы,

стали водворять в лагеря и к хозяевам, у которых они работали, вступила снова в свои права та же политика, политика кайзера, политика угнетения и унижения наших пленных. Я протестовал, но пред Советом рабочих, но… реакция нарастала, набирала силы, шейдемановцы прибирали все к своим рукам, Советы теряли свое значение, в прессе, как некогда и у нас, стали раздаваться голоса «благоразумных», доказывавших, что Советы должны играть роль хозяйственных классовых организаций… мои протесты остались бесплодными. Но характерно то, что, как я говорил выше, обращение к «братьям-военнопленным» было оглашено широковещательно. Отмена же этого акта произошла без всякого официального главного оповещения: просто был отдан соответствующим военным сферам приказ, что с пленными обращаться по-прежнему, водворить их снова в лагеря и т.д.

Ко мне стали приходить пленные, подавленные, унылые, запуганные, с жалобами на возобновившееся жестокое обращение, на издевательство, битье…

Мои сношения с Советом Рабочих

Для правильной ориентации я должен сказать несколько слов по поводу разницы между Советом Солдат и Рабочих. Выше я говорил уже, что эти две организации действовали и существовали каждая самостоятельно. Добавлю, что лишь по некоторым вопросам у них устраивались совместные заседания. Но с внешней стороны сохранялись фикции единой организации, и тот и другой Советы имели одинаковые штемпеля (дублеты) «Арбейтер унд Солдатен Рат Гамбург-Альтона» и в центре эмблема союза — две сжимающие друг друга руки. И каждый из Советов, выдавая какое-либо удостоверение или иной документ, свидетельствовал его одинаковыми штемпелями. Однако, между обоими Советами существовали значительные трения, что видно, между прочим, из следующего. Когда я был в Совете Солдат и беседовал с д-ром Стефаном (кстати скажу, как я потом узнал, он был морской офицер, примкнувший к революционному движению), я его спросил, почему Советы не представляют собою единой организации. Он ответил мне, что они-де стремятся к этому, но что пока соглашения не достигнуто и при этом заметил, что Совет Рабочих забирает слишком влево. Я пытался выяснить ему, что это должно быть только недоразумение, что раз оба Совета стоят на базе «вся власть Советам», то не должно бы быть и кардинальных расхождений. Но, развивая перед ним принципы Советской системы, я вскоре заметил, что имею дело

с человеком, совершенно и глубоко невежественным в вопросах социального и политического характера. Он, впрочем, среди разговора и сам сказал, что «мало» знаком со всеми этими вопросами. Но надо заметить, что с самого своего возникновения Совет Солдат (Гамбург-Альтона) уже носил в себе зародыши реакции, тогда как Совет Рабочих, имевший в своем составе таких деятелей, как спартаковцы д-р Лауфенберг[27], Дювель[28] и др., стремился идти дальше и установить, и развить, воплотив в действительность идею диктатуры пролетариата. Но на стороне Совета Солдат была военная сила, чего не было у Совета Рабочих, почему он и не мог играть главной роли. Временами ему удавались те или иные шаги, так, например, всецело по его инициативе, объявление военнопленных свободными, роспуск сената (все это прошло по взаимному соглашению между обоими советами), но, как я уже указывал, успехи эти были весьма неустойчивы.

Естественно, что я хотел вступить в непосредственные сношения с Советом Рабочих.

И вот числа 10–12 ноября ко мне пришел тов. И.М. Гурвич, которому Советом Рабочих было поручено установить между нами связь. С этих пор я вошел в тесное соприкосновение с Советом Рабочих. Тов. Гурвича я пригласил на службу в качестве Секретаря Консульства. Далее я сошелся с тов. Дювелем (спартакист[29]), редак-

---

[27] Лауфенберг Генрих (Heinrich Laufenberg, pseudonym Karl Erler) (1872–1932) — немецкий политический деятель, историк, журналист. С 1904 г. был членом Социал-демократической партии Германии, редактором дюссельдорфской «Народной газеты» (до 1907 г.), публиковал в этот период различные антиклерикальные сочинения. Примыкал к революционным синдикалистам. В период 1914–1918 гг. занимал антивоенную позицию. С момента начала Ноябрьской революции по 20 января 1919 г. возглавлял Гамбургский Совдеп. Поначалу вошел в Компартию Германии, но на Гейдельбергском съезде в октябре 1919 г. был исключен из КПГ за национал-большевистский уклон.

[28] Правильно: Дювелл Бернард (1891 — ?) — немецкий политический деятель, журналист, редактор. С 1908 г. руководитель молодежной организации СДПГ в Берлине-Лихтенберге. С 1910 г. занимался журналистикой и служил бухгалтером в Рейхсбанке. С 1917 г. принадлежал к независимым социал-демократам. В качестве народного комиссара руководил центральным органом рабочих и солдатских Советов в правительственном округе Мерзебург. В январе 1919 г. избран в Германское национальное собрание (иначе Веймарское Учредительное собрание) по избирательному округу Мерзебург. С июня 1920 по 1924 г. был депутатом Рейхстага, редактором газеты «Интернационал». В начале 1930-х гг. главный редактор «Саксонского народного листа» в Цвиккау и одновременно сотрудник журнала «Марксистская трибуна». После прихода Гитлера к власти, в 1934 г. эмигрировал в Индонезию.

[29] Член Союза Спартака — революционной организации немецких левых социал-демократов, образованного 11 ноября 1918 г. путем преобразования про-

тором «Роте-Фане»[30], центрального органа Совета Рабочих и Солдат, и по его предложению стал сотрудничать в этой газете, поместив в ней ряд статей, в которой пропагандировал идею восстановления сношений с Советской Россией.

Попытки войти в сношения с моим правительством

Отрезанный от своего правительства, не имея необходимых ни информаций, ни директив, я, конечно, с самого начала революции стремился войти в сношения с ним. Сперва я пытался установить эту связь при посредстве тов. Сурица, которому числа 8–9 ноября я написал обстоятельное письмо. В нем я писал о положении угольной операции, указывал, что у меня с перерывом сношений осталось на руках много пароходных коносаментов[31], которые необходимо немедленно отправить в Россию и просил его прислать за ними ко мне курьера, с которым я мог бы и переслать мои документы тов. Г.В. Чичерину[32]. Ответа я не получил. Судя по тому, что при допросе меня и Е.К. Нейдекер (после ареста) чиновник М[инистерст]ва И[ностранных] Д[ел] настаивал на том, что я находился в постоянных сношениях, при помощи курьеров с тов. Сурицем (он говорил, что ему достоверно известно, что вплоть до самого моего ареста от меня к тов. Сурицу и от него ко мне постоянно циркулировали курьеры, что, к сожалению, было лишено и тени правды), я заключаю, что мое письмо было перехвачено и по назначению не дошло. В этом я впоследствии убедился через одного русского гражданина,

---

пагандистской «Группы Спартак» (лидеры Карл Либкнехт и Роза Люксембург) в организацию с собственным ЦК.

[30] Die Rote Fahne («Красное знамя») — немецкая газета (1918–1939), основана К. Либкнехтом и Р. Люксембург; с 31 декабря 1918 г. орган Компартии Германии.

[31] Коносаме́нт — документ, товаросопроводительный + товарораспределительный, выдаваемый перевозчиком груза грузоотправителю в удостоверение принятия груза к перевозке морским транспортом, с обязательством доставить груз в порт назначения и выдать его законному держателю. Удостоверяет право собственности на отгруженный товар.

[32] Чичерин Георгий Васильевич (1872–1936) — советский государственный деятель, дипломат. По окончании университета в течение 18 лет служил и в Главном архиве МИД России. В революционном движении принимал участие с 1905 г., член РСДРП, примыкал к меньшевикам. В августе 1917 г. британским правительством был арестован и заключен в тюрьму как секретарь «делегатской комиссии» по делам возвращения политэмигрантов в Россию. В январе 1918 г. освобожден, по возвращении вступил в партию большевиков и был назначен заместителем наркома иностранных дел. С 24 февраля возглавлял советскую делегацию на переговорах с Германией. 3 марта подписал Брестский мирный договор. Сменил Л.Д. Троцкого на посту наркома по иностранным делам РСФСР, который занимал до 1930 г.

который легально ездил в Копенгаген и возвратившись в Гамбург, сообщил мне, что тов. Суриц, с которым он видался по моему указанию, говорил ему, что никаких известий от меня не получал.

Затем при свидании с упомянутыми выше Стефаном и коммерсантом Госсларом, который должен был договориться со мной об условиях восстановления товарообмена, я настаивал, прежде всего, на том, что для каких бы то ни было моих шагов в этом направлении мне необходимо беспрепятственно сноситься по радио и курьерами с тов. Чичериным. Мне это было обещано, но все мои попытки реализовать это обещание ни к чему не привели: в ответ на мои напоминания мне сообщили, что в данный момент это невозможно по техническим и иным условиям, что не сегодня завтра это будет исполнено.

Сойдясь с тов. Дювелем, с которым у меня вскоре завязались и просто дружеские отношения, я немедленно же возобновил свои попытки, обратившись к нему с просьбой помочь мне снестись с тов. Чичериным по радио. Он охотно согласился на это, сказав, что радиотелеграф в их руках, что заведует им свой человек (морской лейтенант, спартакист, фамилию я забыл) и что радио к моим услугам. Я в тот же день составил обстоятельную депешу тов. Чичерину, которая, как я узнал уже по возвращении в Москву от тов. Чичерина не была им получена. В телеграмме этой я сообщал о предложении Совета Рабочих и Солдат продолжать мою консульскую деятельность, что военнопленные объявлены свободными, что мною организовано из русских граждан общество помощи военнопленным, что меня посетила депутация от только что сепаратно организовавшегося, стоящего на коммунистической базе Совета Матросов, первым шагом которого была передача в моем лице привета братской Советской России с заявлением, что он желает находиться с нею в самых тесных сношениях. Далее я сообщал, что работаю в «Роте-Фане», что редакция его желает войти в сношения с нашей «Правдой», и в заключении я просил тов. Чичерина распоряжений и директив.

Не могу не отметить, что моя отрезанность от моего правительства при создавшихся условиях ставила меня в крайне тяжелое положение. Как видно из вышеизложенного, Советы хотели смотреть на меня не просто только как на консула, но под значительно расширенным углом, как на представителя. Конечно, при таких условиях, если бы не было трений с моим назначением, что говорило мне о, во всяком случае, неполном доверии ко мне, я в создавшихся условиях моей отрезанности, считаясь с реальными

обстоятельствами, мог бы более или менее спокойно на свой страх и риск соответствовать предъявленным ко мне требованиям. При упомянутых же обстоятельствах, как оно понятно, мое положение было значительно труднее и поэтому я официально всегда заявлял, что, будучи только консулом, я и прошу рассматривать меня только как такового, но что и консульские полномочия достаточно широки и дают мне возможность закономерно вести переговоры о товарообмене и о братских сношениях и т.п.

Моя болезнь и закрытие Консульства

Однако моя пореволюционная деятельность вскоре должна была прекратиться и притом самым неожиданным образом.

Военнопленные, массами посещавшие Консульство и наводнившие помещение его до того, что мы все задыхались от духоты, пыли и грязи, очевидно внесли к нам инфекцию испанской инфлуенцы[33]. Первой заболела моя жена, с утра до вечера добровольно находившаяся в самой гуще военнопленных и дававшая им всевозможные разъяснения и пр., за нею бухгалтерша Е.К. Нейдекер, [и] женщина, убиравшая Консульство. Но все они проболели сравнительно недолго, дня 2–3. Я же долго перемогаясь, числа 18 ноября, наконец, свалился в сильнейшей испанской инфлуенце, вскоре осложнившейся локальным воспалением правого легкого, с кровохарканием и пр., и около трех недель находился между жизнью и смертью. В начале болезни я, уже лежа в постели, продолжал свою работу, но затем я надолго впал в полубеспамятное состояние, приходя в себя лишь на короткие мгновения. Лечил меня один врач постоянно и профессор в качестве консультанта.

Через 2–3 дня после моего заболевания свалился и секретарь консульства тов. Гурвич, захворавший инфлуенцей, осложнившейся тяжелой формой воспаления обоих легких.

Я был как раз в полном беспамятстве, когда 24 ноября в Консульство явился д-р Лауфенберг (председатель Совета Рабочих) и Гейзе (Председатель Совета Солдат), потребовавшие свидания со мной. Жена и Е.К. Нейдекер сказали, что лежу без памяти и что по-

---

[33] Речь идет о печально знаменитом испанском гриппе или «испанке» (фр. La Grippe Espagnole или исп. La Pesadilla), самой массовой пандемией гриппа в XX веке и, вероятно, за всю мировую в абсолютных цифрах как по числу заразившихся, так и умерших. В 1918–1919 гг. во всем мире испанкой было заражено около 550 миллионов человек, или 29,5 % населения планеты, из которых умерло приблизительно 50–100 миллионов больных или 2,7–5,3 % населения Земли, что позволяет считать эту эпидемию одной из наиболее масштабных катастроф в истории человечества.

этому свидание со мной совершенно бесполезно. Тогда они заявили, что Консульство, по распоряжению берлинского правительства немедленно должно быть закрыто, что вывеска должна быть снята, что они должны приставить часового, потому что, дескать, находящиеся в Гамбурге англичане могут «выкрасть и арестовать г-на консула». Тут же они предупредили Е.К. Нейдекер, что «сегодня» она еще может свободно и беспрепятственно покинуть консульство. Однако жена и Нейдекер энергичным протестом добились отмены этого распоряжения.

Затем они настойчиво потребовали, чтобы в Совет Солдат и Рабочих было представлено свидетельство лечивших меня врачей о моей болезни, а также и свидетельство о болезни И.М. Гурвича. Все это было исполнено.

Консульство было закрыто. Я узнал об этом лишь через несколько дней, когда пришел в себя. Позднее же из газет я узнал, что распоряжение о закрытии консульства исходило непосредственно от министра и[ностранных] д[ел] Сольца[34], по требованию Антанты, энергично стиравшей все следы Советской России в Германии. Характерно между прочим то, что, когда перед закрытием Консульства д-р Лауфенберг был в Берлине на каком-то собрании и, когда Сольц задал ему вопрос, правда ли, что в Гамбурге Советы Солдат и Рабочих разрешили русскому консулу продолжать свою работу, первый не имел мужества сказать правду, а стал путано объяснять, что Советы-де оставили меня в Гамбурге для урегулирования дел военнопленных.

Мой доклад, в сущности, окончен, и мне остается лишь сказать несколько слов о полной ликвидации Гамбургского Консульства.

Но прежде мне необходимо, в интересах сохранения исторической нити, коснуться вопроса о самом себе, о своем аресте. Посвящая этому вопросу самостоятельную записку, упомяну здесь, что, ввиду небезопасности моего пребывания в Гамбурге, о чем меня предупреждало несколько лиц, меня, совсем еще больного увезли в Шлезвиг, в г. Гадерслебен, у самой границы Дании. Предполагалось, что, когда я немного поправлюсь, я нелегально перейду в Данию. Но из этого ничего не вышло, и 16-го января 1919 г. жена и я были в Гадерслебене арестованы и перевезены в Берлин, где нас и заключили в тюрьму при Полицейпрезидиуме (Александерплатц).

---

[34] Правильно: Зольф Вильгельм (1862–1936) — германский дипломат, востоковед. В 1911–1918 гг. статс-секретарь Министерства колоний. С 3 октября по 13 декабря 1918 г. статс-секретарь МИД. В это время находился в подчинении Совета народных уполномоченных. В 1920–1928 гг. посол Германии в Японии.

По настоянию тюремного врача нас 6 марта перевели в Санаторию «Гигиен», где и интернировали.

Надо отметить, что одновременно с нами были арестованы и мои консульские сотрудники: бухгалтер Е.К. Нейдекер и швейцар Я.Ф. Коновалов. Е.К. Нейдекер пробыла в заключении всего 5 дней, Я.Ф. Коновалов же просидел около 3 месяцев.

Узнав о нашем интернировании в Санаторию, Е.К. Нейдекер после долгих настояний добилась у М[инистерст]ва И[ностранных] Д[ел] разрешения на свидание со мной, и я поручил ей съездить в Гамбург и выяснить, что сталось с делами Консульства, его обстановкой и проч. Ведь с арестом Коновалова Консульство со всем имуществом было предоставлено на произвол судьбы.

По возвращении из Гамбурга Е.К. Нейдекер сообщила мне, что бумаги оказались перерытыми, часть их исчезла, исчезла кассовая книга, часть имущества похищена, что в помещении Консульства поселилась женщина, исполнявшая у домовладельца обязанности портье, что она всю квартиру, по отдельным комнатам сдала разным жильцам, что домовладелец наложил запрещение на 25.000 марок из моего консульского, текущего счета для взыскания квартирной платы за все время, на которое был заключен контракт. При этом она сообщила, что германское правительство не сделало распоряжения о закрытии моего текущего счета, но что банк, учитывая новый курс гонения на Советскую Россию, склонен чинить всякие затруднения при оплате моих чеков. Скажу кстати, что к моменту, когда я уехал из Гамбурга, у меня на текущем счете оставалось около 200.000 марок (остаток от кредита на угольную операцию).

По моему поручению Е.К. Нейдекер, не смотря на грубость чиновников М[инистерст]ва И[ностранных] Д[ел], добилась распоряжения Банку оплачивать мои чеки, но при условии контроля со стороны Банка, на что именно я выписываю деньги.

Я снова командировал Е.К. Нейдекер в Гамбург, поручив ей пригласить адвоката, который пришел бы к соглашению с домовладельцем относительно полюбовного уничтожения контракта. Одновременно я поручил ей оплатить счета по некоторым поставкам и работам для Консульства, поместить мебель в архив Консульства эпохи царизма к экспедитору, вывезти архив Советского Консульства в Берлине и получить из Банка деньги для удовлетворения жалованием по 1-ое июля самой Нейдекер, Коновалова и меня и (если не ошибаюсь) по 1-ое апреля Секретаря И.М. Гурвича, который, как видно из вышеизложенного, прослужил всего несколько дней.

Все это было исполнено: адвокат сговорился с домовладельцем на 10.000 марок и по производству всех платежей и расходов по ликвидации по текущим счетам осталось около 150.000 марок.

Таким образом, мой архив был перевезен в Берлин и находится на хранении у Е.К. Нейдекер, которая взяла на себя привести его в порядок, восстановить по документам кассовую книгу им хранить его до востребования. За это я, оставив ей на возможные мелкие расходы 5.000 марок, разрешил ей получать с 1-го июля [1919 г.] до 1 января 1920 г. по 100 марок в месяц.

ГАМБУРГСКИЙ КОНСУЛ

Москва октября 1919 г.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 66. Д. 32. Л. 81–107. — Машинопись.

Вступительная статья,
публикация и комментарий
Я.В. Леонтьева

Список литературы

Генис В.Л. Неверные слуги режима: Первые советские невозвращенцы (1920–1933). Ульяновск: Ульян. Дом печати, 2012.

Генис В.Л. Г.А. Соломон: «Присоединившийся», или История одной дружбы; Публикация глав из рукописи: Соломон Г.А. Леонид Борисович Красин. По личным воспоминаниям автора и с опытом характеристики // Вопросы истории. 2009. № 2. С. 3–39; № 3. С. 3–28.

Матонин Е.В. Красные / Евгений Матонин. М.: Молодая гвардия, 2018.

Соломон Г.А. Среди красных вождей. 1898–1923. М.: Кучково поле, 2008.